

Резюме

В статье рассматриваются возможности использования мультимедиа технологий в образовании, выделяются условия эффективного применения мультимедиа и этапы интеграции мультимедиа технологий в учебном процессе.

Conclusion

The article looks at the possibilities of multimedia technology in education, highlights the conditions of effective use of multimedia and stages of integration of multimedia technologies in educational process.

СМД-ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Котлярова Т.Я.

Среди направлений современных исследований в области изучения процесса понимания вообще и понимания художественного текста в частности наиболее перспективным представляется деятельностный подход, при котором читательская рефлексия, как обыденная, так и дискурсивно представленная, есть необходимое условие понимания текстов, содержащих аксиологический параметр художественности. Понимание в этом случае рассматривается как активная мыследеятельность, регулируемая самосознанием, а художественный текст – как смыслопорождающее устройство, организующее мыследеятельность реципиента в направлении пробуждения рефлексии, понимания смысла текста и, далее, обогащения личности новыми смыслами.

Положение о том, что ключом к познанию языка является его изучение в действии, стало программным для современной лингвистики. Е.С. Кубрякова приходит к выводу, что изучение текстов как готовых, сложившихся речевых произведений тоже может рассматриваться как изучение языка в действии: «Текст с этой точки зрения выступает как результат использования системы языка и каких-то ее строевых элементов, и при восприятии этого текста мы наблюдаем, как функционировал язык и как использовался он тем, кто создал данный текст» [1, 4].

Г.П. Щедровицкий отмечает, что если в изучении какого-либо объекта «нет порядка» и представления о нем кажутся нескладными и противоречивыми, то надо перестать искать причины и источники этого беспорядка в объекте, «а обратиться к своей

собственной мыследеятельности, к ее средствам, методам и формам организации, и произвести перестройку в них, ибо наши представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности» [2, 206].

На наш взгляд, эти слова учёного точно характеризуют положение дел в изучении текста, и для продуктивных исследований в этой области перспективным является именно системомыследеятельностный подход (СМД-подход). По мнению Г.П. Щедровицкого, «именно в переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на средства и методы нашей собственной мыследеятельности, творящей объекты и представления о них, и состоит суть деятельностного подхода» [2, 207].

Деятельностью становятся те процессы, которые происходят при подключении активного сознания, являющегося продуктом сложноорганизованных форм мыследеятельности, характеризующих человека. М.К. Мамардашвили отмечает, что «мир познается не природой данными нам органами, а органами, возникшими, ставшими в пространстве самого познания и в этом смысле расширяющими возможности человеческого существа и делающими познание относительно независимым от случайности того, что человек наделен природой именно данным чувствующим аппаратом и способностями интеллекта» [3, 9].

Идея деятельности рассматривается Г.П. Щедровицким как главный объясни-

тельный принцип в отношении языковых и семиотических явлений, процессов коммуникации и понимания. Мыследеятельность – это комплекс интеллектуальных и коммуникативных процессов, включенных в контекст организованной коллективной деятельности. В основе построения трёхслойной схемы мыследеятельности лежит принцип построения автономных поясов, расположенных по горизонталям относительно друг друга. В соответствии с системомыследеятельностной схемой все мыследеятельностные процессы рефлексии по трем поясам мыследеятельности:

• в поясе мыследействования МД (действительность предметных представлений, «образность», пробуждение рефлексии над тем, что представлено в тексте средствами прямой номинации);

• в поясе мысли-коммуникации М-К (репрезентация опыта продукции и рецепции речевых произведений, включая опыт чтения);

• в поясе чистого мышления М (представление опыта действий с картами, чертежами, парадигмами, бинарными и небинарными противопоставлениями и другими невербальными схемами, поддающимися вербализации, если это бывает необходимо, при переходе от обыденной рефлексии к рефлексии дискурсивной; реактивация опыта прямых усмотрений смыслов и метасмыслов, опредмеченных в текстах). В поясе чистого мышления происходит «схватывание» мира в понимании, рефлексия приводит к формированию в этом слое сложных человеческих чувств, ценностей, веры, того, что не дано человеку изначально, а формируется в процессе рефлексивной деятельности, в том числе и на материале произведений искусства, прежде всего на материале художественных текстов [2].

Процессами, связывающими пояса между собой, являются **понимание** и **рефлексия**. Три названных выше пояса МД: МД, М-К и М, - разворачивающиеся согласно исходному допущению по горизонтали, связываются и одновременно объединяются в одно системное целое, с одной стороны, за счет **процессов понимания**, а с другой – за

счет **процессов рефлексии**. Процессы рефлексии охватывают и пронизывают все процессы МД, М-К и М; они могут быть представлены вертикальными движениями и переходами и зафиксированы в виде вертикальных связей.

Разделяя точку зрения Н.Л. Галеевой, мы полагаем, что базовую схему мыследеятельности Г.П. Щедровицкого можно рассматривать как детализацию и дальнейшее расслоение верхнего слоя бытия Н. Гартмана, т. е. слоя духовного [4].

По Н. Гартману, общая схема бытия состоит из следующих слоёв:

- физически-материальное бытие;
- органическая жизнь;
- душевное бытие;
- духовное (идеальное) бытие.

Ученый отмечает, что каждый слой изучается с помощью своих собственных законов, методов и категорий, которые не могут заимствоваться из других слоёв – «ни высших, ибо они не адекватны, ни низших, ибо они недостаточны... Так, органическое несомненно материальным, но богатство форм и чудеса жизни происходят не из материального, а добавляются к нему как нечто новое. Точно так же душевное возвышается как нечто новое над органическим, духовное – над душевным» [5, 623].

«Душевным» Н. Гартман считает психические явления, эмоции, переживания, т. е. то, что является объектом психологии, а в случае исследования восприятия художественного текста – психолингвистики. Над душевным располагается самый сложноорганизованный слой духовного, образующий духовное пространство.

Н. Гартман подчеркивает, что сфера духовного бытия не идентична сфере душевного бытия и его закономерностям: «Ни логические законы, ни самобытность познания и знания не сводятся к психологии. В ещё меньшей степени – сферы воли и действия, ценностного отношения, права, религии, искусства. Эти сферы возвышаются хотя бы уже по своему феноменальному содержанию над царством психических феноменов. В качестве духовной жизни они образуют собственный бытийный слой бо-

лее высокого порядка, с богатством и многообразием которого низшие слои бытия не могут даже сравниться» [5, 622]. Таким образом, в числе других феноменов, в слое духовного бытия располагается и изучается художественный текст.

Отметим, что данное утверждение отнюдь не значит, что художественный текст не затрагивает слой «душевного», то есть не воздействует на психику реципиента, его эмоции и душевные переживания. Дело в том, что аксиологический аспект художественности означает, прежде всего, пробуждение читательской рефлексии, обогащение личности реципиента новыми смыслами, а воздействие на эмоции читателя может быть произведено и текстом, лишенным художественности в ценностном понимании. Для художественного текста релевантны слои духовного и душевного, поскольку он осваивается не только мыслительно (пониманием), но и эмоционально. При адекватном освоении текста содержание эмоций определяется через духовное [4, 140-141]. Этот теоретический вывод представляется очень важным при изучении механизма смыслопорождения средствами художественного текста и будет учитываться при анализе художественных текстов в рамках нашего исследования.

С точки зрения СМД-методологии, особое значение имеет подход к проблеме смысла и значения. Г.П. Щедровицкий пишет: «Метафизические» вопросы: что такое смысл вообще и что такое значение вообще, где и по каким законам они существуют, – к ним, в конце концов, приводит всякое языковедческое изучение семантики различных языков независимо от рамок выбранной концепции» [2, 212].

По Г.П. Щедровицкому, схемы смысла и значения ориентированы, с одной стороны, на сосюрсовское различие языка и речи, а с другой – на системодетельностные представления и принципы. В этом контексте проблема смысла и значения выступает как проблема объяснения знака как целостного образования в деятельности и одновременно как объекта, имеющего множественные формы существования в про-

цессах коммуникации и трансляции. Ученый считает, что смысл есть «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [2, 207].

Смысл – это структурное представление процессов понимания, структурный коррелят самого понимания, задающий, однако, согласно принципам СМД-подхода, особую форму существования знаков, отличную от их существования в феноменальной процессуальности понимания. На уровне актов коммуникации эта форма существования реализуется неявно, через знание о смысле, т.е. через знание коммуницирующих людей о том, что смысл – это общая соотнесенность и связь всех относящихся к понимаемой ситуации явлений. Это знание организует понимание таким образом, что человек может фиксировать функциональные характеристики элементов ситуации относительно друг друга и относительно ситуации в целом и способен устойчиво воспроизводить эти характеристики во вторичных текстах. Именно это обычно имеют в виду, когда говорят, что «понят смысл текста», т.е. речь идет о переводе структуры смысла в набор функциональных характеристик текста и относящихся к ситуации предметов.

Г.П. Щедровицкий считает, что «рассмотреть «смыслы» и «значения» с деятельностной точки зрения – это значит, прежде всего, ввести и изобразить в соответствующих схемах такие *системы деятельности* (или системы, принадлежащие к деятельности), относительно которых «смыслы» и «значения» являются *элементами и частичными организованностями*; это даст возможность выводить затем *функции и основные характеристики строения* этих элементов, исходя из наших представлений о процессах и механизмах функционирования и развития систем деятельности» [2, 208].

Таким образом, и смыслы, и значения являются частичными организованностями рефлексии, тогда как выше этих частичных организованностей стоит более крупная организованность – понимание.

С точки зрения СМД-подхода, художественный текст рассматривается как материализация мыследеятельности, а понимание - перевод этой свернутой мыследеятельности в непредметную форму (в терминологии когнитивистики – в концепт текста), которая, в свою очередь, может получить вербальное выражение в виде интерпретации. Представляется, что при создании художественного текста происходит опредмечивание авторского концепта как нематериальной сущности, а при восприятии имеет место обратный процесс – распредемечивание, то есть «перевод из предметности вновь в идеальное состояние в виде восстановленной мыследеятельности автора в рамках пространства понимания и иных связей и отношений, возникающих при понимании текста» [6, 572].

Понимание текста с позиций СМД-подхода – это обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удастся освоить посредством привычных действий смыслового восприятия, а именно посредством семантизации значений и освоения содержания пропозиций. С этой точки зрения понимание и мыследеятельность требуются не всегда, а только при наличии содержательной трудности, которая характеризует литературные тексты, содержащие аксиологический параметр художественности. Трудность такого текста пробуждает рефлексию и организует пространство понимания, обеспечивая обмен мыследеятельностью и освоение новых смыслов и идей, а также иных способов мыследействования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004.–560 с.

2 Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение,

смысл и содержание / Г.П. Щедровицкий // Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – С. 206–220.

3 Мамардашвили М.К. Эстетика мышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.–415 с.

4 Галеева Н.Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельности теории перевода [Текст] / Н.Л. Галеева. – Дисс. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 1999. – 352 с.

5 Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе / Н. Гартман // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 608–647.

5 Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия / Г.П. Щедровицкий // Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995.–С. 545–576.

Түйін

Аталған мақала шығармашылық тұрғыдан қарағандағы мәтінді түсіну мәселесін зерттеуге арналған.

Осы көзқарасқа сай түсінік өзіндік санамен реттелген белсенді ой қызметі ретінде, ал көркем шығарма мәтіні – рефлексия оятуға, мәтіннің мазмұнын ұғынуға, әрі қарай тұлғаның жаңа мағыналарды меңгеруге бағытталған реципиенттің ой қызметін ұйымдастыратын мағына тудырушы құрылым ретінде қарастырылады.

Conclusion

The article is devoted to the analysis of text understanding problems from a position of activity approach where understanding is considered as dynamic thought activity controlled by self-consciousness, text- as a sense generative device which turns recipient thought activity to arousal reflection, understanding of the text and then to new meaning enrichment of a person.